

УДК 327

DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-7-159-170

**ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТАБИЛЬНОСТИ АФГАНИСТАНА
(АВГУСТ 2021 – НАЧАЛО 2023 ГОДА)**

А.А. Князев

Аннотация. Рассматриваются новая ситуация в Афганистане, возникшая с приходом к власти движения талибов, и процессы, связанные со сферой региональной безопасности. Дается оценка существующим угрозам в Афганистане, а также в странах Центральной Азии. Предлагается взгляд на движение талибов без стереотипов. Даны характеристики дестабилизирующих факторов: антиталибских сил и террористических организаций. Статья предлагает также оценки возможностей талибов в сохранении неустойчивой стабильности в стране и направления сотрудничества с новым афганским правительством. Содержит критический обзор политики стран Центральной Азии, России, КНР, США и других западных стран, Ирана в отношении Афганистана в новых условиях. Рассматриваются возможные сценарии дальнейшего развития событий в контексте интересов России и стран Центральной Азии в меняющейся геополитической и геоэкономической ситуации в мире.

Ключевые слова: Афганистан; «Талибан»; терроризм; региональная безопасность; стабильность; угрозы и риски; сценарии.

**АФГАНИСТАНДЫН ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ ЖАНА ТУРУКТУУЛУГУНУН КЕЛЕЧЕГИ
(2021-ЖЫЛДЫН АВГУСТУ – 2023-ЖЫЛДЫН БАШЫ)**

А.А. Князев

Аннотация. Макалада талибан кыймылынын бийликке келиши менен Афганистандагы жаңы кырдаал жана аймактык коопсуздук чөйрөсүнө байланышкан процесстер каралат. Афганистандагы, ошондой эле Борбор Азия өлкөлөрүндөгү коркунучтарга баа берилди. Талибан кыймылына стереотипсиз көз караш сунушталат. Дестабилизирүүчү факторлорго мүнөздөмөлөр берилген: талибдерге каршы күчтөр жана террористтик уюмдар. Макалада ошондой эле талибдердин өлкөдөгү туруксуз стабилдүүлүктү сактап калуу жөндөмдүүлүгүнө баа берилип, Афганистандын жаңы өкмөтү менен кызматташуунун багыттары берилген. Борбордук Азия өлкөлөрүнүн, Россиянын, Кытайдын, АКШнын жана башка Батыш өлкөлөрүнүн, Ирандын жаңы шарттарда Афганистанга карата саясатына сын көз карашты камтыйт. Дүйнөдөгү өзгөрүп жаткан геосаясий жана геоэкономикалык кырдаалда Россиянын жана Борбордук Азия өлкөлөрүнүн кызыкчылыктарынын контекстинде окуялардын андан аркы өнүгүшүнүн мүмкүн болгон сценарийлери каралат.

Түйүндүү сөздөр: Афганистан; «Талибан»; терроризм; аймактык коопсуздук; туруктуулук; коркунучтар жана тобокелдиктер; сценарийлер.

**AFGHANISTAN'S TRANSFORMATION AND STABILITY PROSPECTS
(AUGUST 2021 – EARLY 2023)**

A.A. Knyazev

Abstract. The article examines the new situation in Afghanistan, which arose with the coming to power of Taliban movement, and the processes associated with the sphere of regional security. A view to the Taliban movement without stereotypes is offered. An assessment is given of the existing threats in Afghanistan, also in the countries of Central Asia. The characteristics of destabilizing factors are given: anti-Taliban forces and terrorist organizations. The article also offers an assessment to the Taliban's ability to maintain unstable stability in the country and directions for cooperation with the new Afghan government. The article contains critical review of the policy of the countries of Central Asia, Russia, China, the USA and other Western countries, Iran towards Afghanistan in the new conditions. Possible scenarios for further developments in the context of the interests of Russia and the countries of Central Asia in the changing geopolitical and geo-economic situation in the world are considered.

Keywords: Afghanistan; «Taliban»; terrorism; regional security; stability; threats and risks; scenarios.

Преодоление стереотипов и признаки эволюции движения талибов. С 1990-х гг. оценки состояния региональной безопасности и стабильности стран Центральной Азии в первую очередь сосредоточивались на угрозах афганского происхождения, общее представление о которых дифференцировалось на три составляющие. Во-первых, это производство и распространение наркотиков, наркотрафик. Во-вторых, незаконная или слабо контролируемая миграция, афганские беженцы. И, в-третьих, взаимодействие между оппозиционными действующим правительствам стран Центральной Азии террористическими формированиями, дислоцировавшимися в Афганистане [1, с. 6, 236, 250]. После прихода к власти движения талибов 15 августа 2021 г. основной дискурс в изучении сферы безопасности в афганском контексте еще в большей степени оказался сосредоточен на явлении терроризма и религиозного радикализма.

Находясь под многолетним воздействием широко распространенных стереотипов, этот дискурс происходит в основном в рамках европоцентричного восприятия афганской действительности. Для европоцентричного мировоззрения, преобладающего, в частности, в России, да и во всем русскоязычном пространстве, большое число внешних проявлений той культурно-цивилизационной модели, которая предлагается «Талибаном», представляется только архаичными, радикальными и в целом воспринимается преимущественно в негативных коннотациях.

Афганистан был в 1948 г. одной из первых исламских стран, продекларировавших поддержку Всеобщей декларации прав человека, но она не стала актуальной ни для одного из последующих политических режимов, включая и ориентированные на западные ценности правительства Хамида Карзая и Ашрафа Гани в период 2002–2021 гг. Можно утверждать, что одной из причин несостоявшейся имплементации западных нормативов в афганские реалии было (и остается) внутреннее общественное неприятие большинства предлагаемых условий, попросту чуждых местному менталитету и им отвергаемых. Декларация 1948 года принималась на фоне победы над нацизмом и фашизмом в Европе, не особенно учитывая разнообразие государств и народов мира. Это была попытка создать

универсальную матрицу, которая и стала в своей основе европоцентричной. Универсализм не состоялся, и важный вывод из этого состоит в том, что модель будущего устройства Афганистана – административно-территориального, этнополитического, в религиозной сфере – во всех без исключения вопросах может быть выработана только в самом Афганистане, учитывая исторически сложившуюся социальную, религиозную, и этно-племенную специфику страны. Само возникновение «Талибана» является отражением конфликта цивилизационного и социокультурного типа, это феномен, образовавшийся на противоречиях между традиционным и ранне-модернистским укладами, в том числе между городским урбанизированным и консервативным сельским населением [2]. Рассмотрение в социокультурном ключе позволяет оценить движение «Талибан» как асимметричный ответ на изменившиеся к началу 1990-х гг. афганские реалии: после модернизационных экспериментов президента Мохаммада Дауда и реформы НДПА социалистической направленности. К середине 1990-х гг., когда появилось движение талибов, Афганистан представлял собой зону диффузии нескольких цивилизационных типов – традиционного, ранне-модернистского, а также элементов индустриального общества. Внедрение новых идеологических и политических компонентов сломало основы традиционного общественно-политического устройства страны и создало условия продолжительного странового конфликта, усугубленного и внешними акторами.

Несмотря на то, что преобразования в стране, заявленные «Талибаном», по своей значимости могут быть расценены как вполне революционные, очевидно и то, что талибы ориентированы все-таки не на радикально-революционные и модернистские, а, напротив, исключительно на консервативные, традиционалистские и архаичные интерпретации ислама и шариата. В любом случае, эти действия должны быть расценены как некий религиозный реванш, да и в этнополитическом плане образование движения «Талибан» может рассматриваться как симметричный ответ пуштунов, ранее доминировавших во властной элите афганского общества, на возникший политический вызов этнических

меньшинств в 1980–1990-х гг., и это тоже нужно расценивать как явление реванша.

Такое понимание сущности движения талибов позволяет отойти от стереотипных взглядов на него и с точки зрения региональных взаимодействий и влияний. Хотя движение «Талибан» по-прежнему квалифицируется во многих странах, включая и Россию, как террористическое, необходимо согласиться с тем, что это движение имеет в Афганистане весьма широкую социальную базу, отражая как социально-экономические, так и мировоззренческие установки своего сегмента электората. Этим объясняется во многом и тот факт, что движение устойчиво сохраняло и последовательно усиливало свои военно-политические позиции после начала интервенции в страну США и НАТО в 2001 г., и сумело взять под полный контроль управление страной, удерживая его продолжительное время.

К первой половине 2023 г. среди позитивных изменений в стране нужно отметить прекращение масштабного вооруженного конфликта в стране и иностранной оккупации, в результате чего значительно сократилось количество жертв среди мирного афганского населения. Достигнута внутренняя легитимность новой власти, хотя и при отсутствии абсолютной поддержки определенной части населения крупных городов: молодежи, женщин и интеллигенции. В целом действует управляемость регионов, частично преодолена коррупция в государственных учреждениях [3]. Можно отметить также почти полный отказ администрации «Талибана» от практики применения архаичных методов судебных наказаний по традиционным шариатским категориям худуд, кисас и тазир [4].

Более существенной эволюции движения талибов от партизанского освободительного движения к политической организации, находящейся у власти, препятствует значительное число разнообразных факторов как внутреннего, так и внешнего характера.

Общие факторы существующей и вероятной нестабильности. Очевидно, что основным фоном для всех деструктивных процессов в стране является и будет оставаться в перспективе сложная социально-экономическая ситуация, связанная как с последствиями оккупационного статуса Афганистана в 2001–2021 гг.,

так и с действующими ограничителями извне, главным из которых являются заморозка валютных авуаров правительства западными финансовыми институтами, а также действующие в отношении движения талибов санкции и неустойчивость в сфере безопасности с точки зрения привлечения внешних финансово-экономических партнеров. Последнее, в свою очередь, прямо взаимосвязано с уровнем общей стабильности в стране, оцениваемом как недостаточный.

Потенциал «Талибана» с точки зрения установления в стране необходимого уровня стабильности и восстановления системы государственного управления, помимо социально-экономической ситуации, зависит от большого числа факторов, среди которых в первую очередь необходимо выделить нижеследующие:

➤ *Способность прагматического крыла к доминированию в руководстве движения при принятии наиболее принципиальных решений.* Этот фактор опирается на существующий потенциал в руководстве движения по поиску необходимых компромиссных решений и решений, отвечающих ожиданиям как гражданского населения, так и рядового большинства движения талибов. В самом руководстве движения и на местных уровнях происходит постоянная межфракционная борьба, которая, безусловно, влияет на принятие и реализацию решений от имени «Талибана». По мнению бывшего посла Ирана в Кабуле Мохаммада Реза Бахрами, «“Талибан” останется основным держателем акций в Афганистане на обозримый период, что будет удерживать страну в переходном периоде из-за ограниченных ресурсов, продолжающегося давления и влияния внешних сторон, а также продолжения внутреннего соперничества фракций за доступ к ограниченным ресурсам и получения политической власти для общенационального влияния, что можно рассматривать как возможность формирования какого-то внутреннего конфликта. Конечно, необходимость сохранения выживания является первоочередной задачей всех различных групп внутри движения талибов, и это останется наиболее важным сдерживающим фактором в краткосрочной перспективе.

Но маловероятно, что внутренние расклады останутся неизменными при сохранении нынешней ситуации и, таким образом, нет гарантии, что талибы на разных уровнях останутся в стороне от этого конфликта» [5].

- *Способность руководства «Талибана» контролировать поведение низовых звеньев движения*, в том числе в отношении гражданского населения, особенно в районах компактного проживания этнических и религиозных меньшинств, также относится к факторам стабильности и развития. В общем-то, невысокая управляемость в таком плане была свойственна многим социально-политическим движениям в период и после прихода к власти: например, в период гражданской войны в России 1917–1922 гг. или в событиях революции на Кубе в 1957–1959 гг. и затем до 1966 г. «Талибан» – это иррегулярное движение, еще в период до прихода к власти его характеризовало отсутствие строгой пирамидальной иерархии и какой-то жесткой дисциплины.
- *Попытки ввести в действие некое подобие дисциплинарного устава* (Layha, «Лайха»), включавшие в себя и нормативы поведения по отношению к гражданскому населению и к пленным, предпринимались в «Талибанах» трижды: «Лайха» образца августа 2006 г. содержала 39 правил или норм, в 2009 г. – уже 67 правил, в 2021 г. – 85 правил [6]. Кроме того, в мае 2017 года было опубликовано новое руководство о том, как следует вести джихад. В книге под названием «Муджахедино та де Амир уль-Муменин Ларшоуэне» («Инструкции моджахедам от командующего верными») лидер «Талибана» Хайбатулла Ахундзада напоминает членам движения о том, что «джихад – это не бой, бессмысленный и беспощадный», а четкие правила поведения, основанные на религиозном праве, шариат-совместимые и защищающие от «экстремизма и небрежности» (ифрат и тафрит).

Однако, вынужденная и естественная в тот период децентрализация управления, сквозное делегирование полномочий по вертикали всей военной структуры движения не способствовали

исполнению такого рода директив. После августа 2021 г. перед руководством «Талибана» стоит задача отойти от былой иррегулярности в сторону поведенческой регламентации для всех участников движения. Это еще одно из объективно существующих условий позитивного для самого движения талибов и для страны сценария развития событий.

Важной проблемой движения талибов является преодоление низкой эффективности системы государственного управления, наиболее очевидным механизмом чего является вовлечение в систему управления на всех ее уровнях профессиональных кадров чиновников-управленцев. Эта проблема медленно, но решается на провинциальном и районном (улусволи) уровне. Актуальным остается ее ускорение.

Первоочередной же задачей и главным фактором сохранения существующего, пусть и относительного, уровня стабильности является недопущение эскалации процессов военного характера, снижение уровня насилия в стране в широком смысле этого понятия.

Факторы военной эскалации. Оценивая вероятность эскалации военного конфликта в стране, необходимо рассматривать два основных элемента противостояния движению талибов: заявляющие о себе как об антиталибских разрозненные группы «сопротивления» и группировки, квалифицируемые как террористические, в значительной мере имеющие иностранное происхождение.

Какой-либо институционализированной оппозиции движению талибов в стране за время с 15 августа 2021 г. не возникло. Важнейшей характеристикой всех условных «центров сопротивления» движению талибов является имманентный для афганского менталитета вожизм, отсутствие реальных программ для потенциальных групп поддержки среди населения. Какой-либо существенной субъектностью в политической жизни Афганистана никто из них не обладает. Это относится и к этническим и религиозным группам, чьи реальные интересы не отражены действующими (формальными) политическими лидерами и партиями, дислоцирующимися преимущественно в эмиграции: в Турции, в странах Европы, в США (в том числе это так называемый «Высший совет национального

сопротивления Афганистана»). Среди их лидеров существует большое количество перекрестных противоречий, имеющих большую историю и, как показывает опыт, высокий уровень антагонизмов, что обуславливает их неспособность к консолидации и совместной деятельности. В самом оптимистическом измерении, это могут быть только очень краткосрочные альянсы, которые способны переходить в конфронтацию вплоть до военных действий друг против друга.

Правомочность и дееспособность этих преимущественно этнополитических партий, существовавших до 15 августа 2021 г., как и групп элиты, причастной к экс-правительству Ашрафа Гани, также является в высокой степени сомнительной. Их интересы очень далеки от потребностей соответствующих этнических и региональных общин, в значительной мере они скомпрометированы своими связями с предыдущими афганскими правительствами, которые в глазах большинства афганцев являются уже символами социально-экономического кризиса, коррупции и отхода от традиционных афганских ценностей морального, включая религиозный, характера.

Среди немногочисленных групп, действующих на территории собственно Афганистана, наиболее заметным в информационном пространстве, является «Фронт национального сопротивления Афганистана» (ФНСА) – военизированное формирование, возглавляемое Ахмадом Масудом (сыном национального героя Афганистана Ахмад Шаха Масуда) и Амрулло Салехом – последним экс-вице-президентом бывшего республиканского правительства. Деятельность ФНСА носит диверсионный характер: нападения на посты талибов на дорогах, точечные убийства талибских функционеров и т. п. Попытки контролировать сколько-нибудь критически значимые участки территории успеха не имеют. Характерен пример, когда боевики ФНСА заняли один из кишлаков в районе Хост ва-Ференг в провинции Баглан, где не было военных формирований «Талибана», сорвали флаг талибов, повесили свой, провели фото- и видеосъемку для интернет-сайтов и социальных сетей и покинули населенный пункт, не имея ресурсов для его удержания. Этот пример ярко демонстрирует главное содержание всей активности «фронта»: создание убедительных

медийных образов, формирующих представления о наличии в стране некоего серьезного «сопротивления» с целью привлечения внешних ресурсов. Это целеполагание отражается и в практической активности ФНСА. Осенью 2021 г. Ахмад Масуд нанял фирму Stryk Global Diplomacy из Вашингтона для продвижения своих интересов в США. 27 октября 2021 г. ФНСА был зарегистрирован в США в соответствии с Законом «О регистрации иностранных агентов» от 1938 г. как лоббистская структура, которая официально ведет в США деятельность в качестве иностранного агента по лоббированию инициатив об оказании помощи своим силам. Преимущественно виртуальный характер деятельности ФНСА неоднократно отмечался в МИД России: «в данный момент это виртуальное движение <...> Если это виртуальное движение станет реальным и физически осязаемым, то это будет означать новый виток гражданской войны» [7].

Общая численность подобных групп составляет более десяти и оценить их деятельность к началу 2023 г. как критически угрожающую существующему уровню стабильности в стране нельзя. В любом случае, какое-то объединение и превращение всех этих групп противодействия движению «Талибан» способно стать реальностью исключительно при серьезной внешней поддержке – не только политико-дипломатической, но и конкретно-материальной. В Афганистане создание любым из политиков любых военных формирований с любой политической программой возможно только на основе финансовой мотивации всех участников. Все без исключения афганские политики обладают и собственным материальным ресурсом, пригодным для финансирования собственных военных подразделений. Однако, за чрезвычайно редкими, единичными исключениями, сложившиеся ментальные традиции не подразумевают использования собственных ресурсов афганских политиков для подобных целей, и задачей всех этих центров является поиск внешних ресурсов. Без решения этой задачи все они обречены оставаться только виртуальными центрами информационного противостояния «Талибану», в чрезвычайно малой степени оказывая влияние на реальные процессы, происходящие в стране.

Согласно данным Congressional Research Service – исследовательского подразделения библиотеки Конгресса США – весной 2022 г. на территории Афганистана действовали по меньшей мере семь террористических организаций: «Аль-Каида», ячейка «Аль-Каиды» на Индийском субконтиненте, «ИГИЛ-Хорасан», «Сеть Хаккани», Исламское движение Узбекистана (ИДУ), «Техрик-е Талибан Пакистан», Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ) [8]. Эта информация отражает специфический подход: к примеру, в США движение «Талибан» не считается террористической организацией, а «Сеть Хаккани» выделяется как отдельная организация, признанная террористической. Но в реальности «Сеть Хаккани» является частью движения талибов, что косвенно подтверждает и присутствие лидеров «Сети Хаккани» в руководстве «Талибана» и в созданном им правительстве в Кабуле. И, напротив, «Техрик-е Талибан Пакистан» американцы считают фракцией афганского «Талибана», хотя де-факто это самостоятельная организация, чья активность ориентирована на населенные пуштунами провинции Пакистана, использующая в названии успешный и узнаваемый бренд «Талибана».

Эпизодические боевые действия между формированиями движения талибов с одной стороны и ячейками ИГИЛ-Хорасан – с другой, являются главным содержанием военной составляющей всей ситуации в Афганистане, начиная с августа 2021 г. В оценке вероятности эскалации военного конфликта в стране эта группировка должна рассматриваться как содержащая наибольший потенциал. Движение талибов и ИГИЛ-Хорасан сосуществуют в Афганистане, пройдя период нейтральных и даже дружественных отношений в конце 2014 г., войдя в острую фазу конфликта в 2015 г., эта война продолжилась и в 2016–2021 гг. Периодические снижения в интенсивности этого конфликта, последующие возрастания, вся эта динамика во многом объясняется непростыми внутренними процессами в каждом из движений. Это постоянно происходящие процессы фрагментации и новой консолидации, смены лидеров, отсутствия четких вертикальных связей, и это относится как к ДАИШ, так и к «Талибану».

Географическое целеполагание и государственное устройство будущего – один из важных доктринальных пунктов расхождения между ИГИЛ и движением «Талибан». Религиозно-идеологические противоречия и различная трактовка религиозных практик также противопоставляют их друг другу. Но, вероятно, главным пунктом взаимных антагонизмов являются стратегические установки как ИГИЛ, так и движения талибов на установление собственной монополии на власть. Еще один из важнейших аспектов противостояния состоит в том, что ИГИЛ был и остается внешним проектом для Афганистана, в то время как созданный в свое время при весомом участии внешних сил «Талибан» за время своего существования серьезно трансформировался в политическую силу национального, внутриафганского характера, и с приходом к власти все более проявляет стремление к своей независимости (в частности, это отчетливо проявляется в перманентно конфликтных отношениях с Пакистаном весь рассматриваемый период).

Структура ИГИЛ-Хорасан в Афганистане принципиально не похожа на те близкие к армейскому типу формирования, которые действовали и действуют в Ираке и Сирии. В Афганистане это классические для региона мелкие группы численностью до 30–40 человек, действующие по сетевым принципам. Трансформация ИГИЛ из некоего подобия государственной структуры (в Ираке и Сирии) с четко очерчиваемыми географическими границами в сетевую модель типа «Аль-Каиды» происходит уже несколько лет и подразумевает отсутствие четкой географической привязки и деятельность точечного характера по всему миру. Конечно, и Центральная Азия с ее существующими подпольными радикальными структурами в этой модели занимает свое далеко не последнее место.

В отчете Группы ООН по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями в отношении «Талибана» и связанных с ним физических лиц от июня 2021 г. отмечается, что ИГИЛ-Хорасан «сохраняет основную группу примерно от 1 500 до 2 200 бойцов в районах провинций Кунар и Нангархар, вынуждена децентрализоваться и состоит в основном из ячеек и небольших групп <...>, действующих автономно,

но разделяющих одну и ту же идеологию. Ядро групп в Кунаре состоит в основном из граждан Афганистана и Пакистана, в то время как меньшие группы, расположенные в Бадахшане, Кундузе и Сарипуле в основном состоят из местных этнических таджиков и узбеков» [9, с. 13]. С осени 2017 г. северная часть сети была в основном сосредоточена на северо-востоке (провинция Бадахшан) и северо-западе (провинции Джаяузджан и Сарипуль) Афганистана. Ее возглавлял один из командиров бывшего ИДУ, известный под псевдонимом Муавия, по неподтвержденным сведениям – выходец из Узбекистана. Позже эта группировка изрядно фрагментировалась, потеряв признаки вообще какой-либо централизации. Первоначально в еще единую группу вошли отряды сыновей основателей Исламского движения Узбекистана: Омара Гоzi (Шейха Омара, сына Джумы Намангани) и Азизуллы (Абдурахмона) Юлдаша (сына Тохира Юлдаша), группы местных афганских таджиков и узбеков, а также немногочисленные чеченцы, турки и уйгуры, в основном, из остатков ИДУ. Активность ИГИЛ-Хорасан в Афганистане после 15 августа 2021 г. в большей мере сосредоточена на проведении точечных актов (наиболее часто это подрыв самодельных взрывных устройств), направленных против мест скопления шиитов (мечети) и/или функционеров движения талибов. Сферой повседневной деятельности этих групп является криминальная, даже конфликты с движением талибов и другими группировками часто бывают мотивированы стремлением просто установить контроль над той или иной территорией для получения материальных дивидендов (рэкет, контрабандное сопровождение и т. п.).

Независимо от мотивации, движение талибов и до прихода к власти, и после него является основным актором противодействия и террористической деятельности, и вообще присутствию на территории страны отрядов ИГИЛ-Хорасан. В любом случае, ИГИЛ остается транснациональным актором, несмотря на свою эволюцию в Афганистане, содержащим прямую угрозу регионального и международного характера, хотя и масштаб этих угроз зачастую гипертрофирован. «Диверсии, мелкие мятежи и теракты – это возможно, но прямой угрозы с учетом потенциала таджикских и узбекских вооруженных сил

мы не видим», – так комментировал ситуацию с ИГИЛ и другими террористическими группировками в Афганистане специальный представитель президента России по Афганистану Замир Кабулов [10].

В том же отчете Группы ООН отмечается, что численность «Аль-Каиды» в Афганистане, включая ее ответвление «Аль-Каида на субконтиненте Индостан» составляет «от нескольких десятков до 500 человек», «в основном это выходцы из [стран] Северной Африки и Среднего Востока, и <...> сообщение между высокопоставленными должностными лицами «Аль-Каиды» и «Талибана» в настоящее время происходит нечасто» [9, с. 16]. В рассматриваемый период какой-либо активности «Аль-Каиды» не фиксируется, что объясняется избранной тактикой самосохранения.

Очень сомнительно выделение в качестве самостоятельного субъекта «Исламское движение Узбекистана». После событий 2015 г., когда лидер ИДУ Усмон Гоzi (Абдуносир Валиев) заявил о присоединении к ИГИЛ, военные отряды ИДУ были разгромлены талибами, а Усмон Гоzi повешен. По данным В.В. Михайлова, численность ассоциируемых с ИДУ боевиков летом 2021 г. составила не более 300 человек, в минимальной степени мотивированных на активность в странах Центральной Азии [11].

Исламское движение Восточного Туркестана можно считать аффилированной структурой «Аль-Каиды», хотя нельзя исключать и ее склонности при соответствующих условиях присоединиться к ИГИЛ-Хорасан. Впрочем, структурированность и организованное единство ячеек ИДВТ вызывают большие сомнения, на начало 2020 г. ИДВТ представляла около десятка довольно разрозненных и с точки зрения связей, и территориально, небольших групп.

Союз исламского джихада (СИД), известный и в других версиях, как «Джаамат аль-джихад», «Исламский джихад Узбекистана», «Исламский джихад – Джаамат моджахедов», образовался при непосредственном участии «Аль-Каиды» в результате раскола Исламского движения Узбекистана после 2002–2003 гг. Последние заслуживающие внимания упоминания о нем относятся к 2016–2017 гг.

В период после лета 2021 г. часто упоминается «Джамаат Ансаруллах». Но по этой организации адекватная информация очень ограничена, и большинство публичных сообщений не выдерживают верификации. Чаще всего их можно отнести к сфере пропаганды и информационной борьбы. Организация квалифицируется как единственная этнически таджикская группировка в провинции Бадахшан («таджикские талибы»), что позволяет в информационном противоборстве апеллировать к ней как официальной пропаганде в Таджикистане, так и спикерам «Талибана» и множеству комментаторов. Реальные события, связанные с организацией, единичны, сведения о численности и связях с «Талибаном» и другими террористическими структурами очень условны. В августе 2022 г. появилось сообщение о создании в приграничном районе Афганистана и Таджикистана группировки под названием «Движение Талибан Таджикистана». Его командиром назван гражданин Таджикистана Мохаммад Шарипов, известный как Мехди Арслан, являвшийся лидером «Джамаат Ансаруллах». Сообщалось, что он пытается начать вооруженную борьбу против правительства Таджикистана. Утверждалось также, что этой группе численностью 200 человек руководством «Талибана» поручена охрана участка границы с Таджикистаном. Официальный представитель талибов Забиулла Муджахид опроверг существование такой группы [12].

Существуют единичные или отрывочные сообщения и о неких группировках под названиями «Талибан Центральной Азии», «Моджахеддины Центральной Азии», упоминаются также в центральноазиатском контексте сугубо пакистанские организации «Сепакхе Сахаба», «Лашкар-е Товба», «Лашкар-е Джангви». Вряд ли заслуживают внимания утверждения (также обрывочные) и об активности в среде группировок, имеющих отношение к Центральной Азии, белуджской террористической группировки «Джундуллах», частично действующей в южных афганских провинциях Нимруз и Гильменд и имеющей антишиитскую и антииранскую направленность. В этом же ключе нужно относиться и к действующей на западе Афганистана организации «Моджахеддин-е Халк».

За исключением последней, строго ориентированной на антииранскую деятельность, все эти малочисленные группы могут представлять ограниченный интерес только как гипотетические источники рекрутирования боевиков в реальные структуры «ИГИЛ-Хорасан», нежели как самостоятельные террористические единицы. Характерен прецедент, когда в ноябре 2011 г. ответственность за один из терактов в Казахстане взяла на себя некая группировка «Джунд-аль-Халифат». Ее существование всерьез тогда обсуждалось в экспертном сообществе, она была внесена в список запрещенных в Казахстане экстремистских и террористических организаций. В реальности же группа состояла из трех человек, находившихся предположительно в Пакистане и создававших виртуальные образы террористической деятельности. Ограниченность и потому зачастую сомнительный характер значительной части информации о террористических структурах диктует необходимость большой осторожности в выводах и оценках, особенно в современных условиях развития информационных инструментов, используемых во всех существующих конфликтах интересов.

В случае какого-либо существенного снижения уровня военно-политической стабильности определенную угрозу может представлять собой вероятность объединения на основе критерия наличия «общего врага» двух основных противников «Талибана»: антиталибских и террористических группировок. Появляющаяся информация о попытках заключения таких альянсов (якобы прошедшие осенью 2022 г. переговоры Абдул Рашида Дустума с Санауллой Гафари, одним из лидеров ИГИЛ в Афганистане) не имеет подтверждений, но должна учитываться в общей оценке сферы безопасности по Афганистану как вероятная. Сложившиеся за несколько десятилетий военно-политические традиции в стране допускают самые разнообразные конфигурации, способные меняться чрезвычайно динамично. В случае новой дестабилизации Афганистана по линии «Талибан» – «антиталибские силы» может усилиться и проникновение на территорию Афганистана дополнительных сил неафганских (международных) террористических группировок, например, «Аль-Каиды» или ИГИЛ. При таком сценарии развития событий

существует угроза распада самого «Талибана», радикализации части его отрядов, усиления роли Афганистана в качестве убежища для террористических и экстремистских организаций из стран Центральной и Южной Азии, Среднего Востока, России и КНР. Эти группы смогут вести с его территории подрывные действия в Центральной Азии, а оттуда – трансфером в широкий евразийский субрегион. В таком развитии событий нет ничего нового, это простое дежавю из конца 1990-х гг., когда изоляция Афганистана стала важнейшим фактором вовлечения в страну международных террористических групп.

Но любые возможные варианты новой эскалации в стране возможны только при внешнем вмешательстве: специфика всей новой и новейшей истории Афганистана обусловлена высочайшей ролью внешнего манипулирования внутриафганскими процессами путем управления существующими конфликтами.

Внешние факторы стабильности и сценарии для Афганистана. Афганский вектор в политике России, Узбекистана, Туркмении, а также Ирана и во многом Китая, Пакистана, Турции, ряда арабских стран необходимо рассматривать в двух аспектах. Первый из них – это сотрудничество с правительством движения талибов, несмотря на его низкую эффективность и противоречивость во внутренней политике. Этот подход содержит в себе решение задачи по сохранению стабильности и повышению ее уровня в Афганистане и, таким образом, по постепенному снижению уровня угроз безопасности, существующих с афганского направления. Принципиально важным в рамках этого подхода является отказ от изоляции Афганистана, приведшей в 1990-х гг. к радикализации движения талибов и росту террористического потенциала страны. Перечисленные страны занимают конструктивные и рациональные позиции, не признавая правительство «Талибана», настаивая на инклюзивности правительства, но, в то же время, контактируя с руководством талибов и пытаясь оказать на него нужное воздействие, и исходя из полного отсутствия каких-либо альтернатив движению талибов.

Политическое руководство и дипломатия названных стран не зацикливаются на

формальном признании правительства, сформированного движением талибов. Тем более, что какая-либо универсальная и всеобщая процедура признания правительств в международном праве и практике не предусмотрена. Более того, в мире существует значительное количество непризнанных государств, частично признанных государств и контролирующих часть заявленной территории, и эта проблема в международном праве также рассматривается в основном в теоретической плоскости. При этом легко заметить, что, если со стороны США и их союзников не признаны Абхазия, Южная Осетия, Приднестровская Молдавская Республика, то Россия и еще ряд государств аналогичным образом не признают Тайвань и Косово. То есть, факт признания-непризнания обуславливается просто общими политическими интересами того или иного международного актора. А, согласно декларативной теории государственности (декларативная теория признания), для образования государства вообще необходимо и достаточно наличие фиксированных границ и постоянного населения, присутствие системы государственного управления, обладающей суверенитетом, возможности для вступления в отношения с другими государствами. Впрочем, эта теория, как и все иные разработки в международном праве, относится к территориям, объявляющим себя суверенными государствами. Что же касается Афганистана, то его международно-признанные границы сомнению никем не подвергаются (напротив, существует вопрос территориальной претензии афганской стороны к Пакистану, связанный с так называемой «Линией Дюранда»). В случае с правительством движения талибов, речь идет именно о правительстве – его составе, механизмах его формирования и т. д., что определяет этот вопрос как исключительно внутривнутриполитический.

Второй аспект в рассмотрении афганской политики названных выше стран, также являющийся для них общим, – это вопрос безопасности. Неустойчивость правительства Афганистана и его низкая эффективность в управлении, включая и сферу безопасности, сохраняют высокую вероятность формирования на территории страны трансграничных угроз и рисков. В силу этого, пусть во многом и превентивно, политика

названных стран направлена на это усиление соответствующей военной антитеррористической составляющей на случай возникновения приграничных угроз и угроз террористического характера в широком их понимании.

Этот аспект серьезно актуализировался летом 2021 г., накануне и после прихода движения талибов к власти в Кабуле. Он характеризовался при этом высоким уровнем ожиданий от России со стороны стран Центральной Азии. Анализ политики каждого из государств региона в этой ситуации, а также их взаимоотношений в этом аспекте с различными внешними акторами, является, помимо иного, свидетельством того, что даже ситуация, воспринимаемая как угроза безопасности региона, не стала причиной или даже поводом для какой-либо внутрирегиональной координации (не говоря уже об интеграции или хотя бы сотрудничестве на внутрирегиональном уровне) [13, с. 462]. На фоне определенного разочарования в сфере безопасности в политике США и относительной пассивности КНР ярко проявилась полная зависимость всех стран региона в этой сфере от России.

Помимо прямой военной помощи Таджикистану и гарантий обеспечения безопасности силами ОДКБ, ситуация подтвердила и готовность России выполнить свои обязательства в сфере безопасности в отношении Узбекистана на основании договора о союзнических отношениях между РФ и РУз 2006 г., несмотря на то, что Узбекистан в 2011 г. приостановил членство в ОДКБ, доктринально закрепив «неучастие» в военных организациях. Консультации по линии спецслужб и министерств обороны РФ с соответствующими структурами всех стран региона, включая Туркмению (на основе ратифицированного в августе 2020 г. соглашения по безопасности), серия военных учений различного формата, дополнительные поставки вооружений неоднократно проходили, начиная с апреля и до конца 2021 г. В ситуации угроз безопасности Россия, несмотря на разный политико-правовой уровень отношений со странами Центральной Азии, подтвердила тот факт, что является единственным реальным гарантом стран региона в сфере безопасности.

Политическая позиция Таджикистана принципиально отличается заикленностью на политическом признании правительства «Талибана», совпадая с политикой США и западных стран в целом. Руководство Таджикистана категорично апеллирует к необходимости создания в Афганистане представительного (инклюзивного) правительства. Со стороны РФ, РУз, ИРИ и ряда других стран, занимающих конструктивные позиции, подразумевается, что представленность этнических и других политических групп должна быть основой сбалансированности, стабильности и эффективности правительства. Это артикулируется преимущественно в плане рекомендаций. Категоричность, с которой инклюзивность декларируется со стороны Таджикистана, подразумевает обязательную весомую численность в высших органах власти Афганистана, прежде всего, политиков из таджикского афганского сообщества. Будучи направленной во многом на решение внутривластных задач, подобная политика могла бы считаться внутренним делом Таджикистана. Но практическая поддержка, которая оказывается в Таджикистане афганским таджикским антиталибским группировкам, содержит в себе как потенциал эскалации внутриафганского конфликта, так и потенциал межгосударственного конфликта между Таджикистаном и Афганистаном и, таким образом, имеет значение для сферы безопасности всего региона. Есть основания предполагать, что Таджикистан пытается свою афганскую политику сделать частью политики западных стран, намеренно предъявляющих к правительству талибов завышенные требования.

Для США Центральная Азия является пространством и одним из важных элементов общего противостояния с КНР и противодействия региональному влиянию России и Ирана. Второстепенное значение по отношению к этой оценке имеет ресурсный потенциал региона, геостратегический интерес однозначно является главным приоритетом. Одним из важных механизмов реформирования Центральной Азии в интересах американской региональной стратегии является так называемая «региональная интеграция» как форма достижения манипулируемой субъектности региона в системе международных отношений. Главным

из инструментов такой интеграции является формат «С5 + 1». В 2021 г. состоялись две встречи министров иностранных дел в этом формате, 23 апреля и 22 сентября. И если афганская тематика в сентябре выглядит естественно, то обращает на себя внимание тот факт, что почти все пункты повестки и апрельской встречи были так или иначе связаны с Афганистаном. Это отражает стратегическую линию США на продолжение действий по формированию интегрированного пространства в составе Афганистана и стран Центральной Азии, подразумевая и сохранение на этом пространстве определенного управляемого конфликтного потенциала.

После вывода войск из Афганистан и частичной / временной потери стратегической инициативы во влиянии на ситуацию в стране, одной из важных стратегических линий США является фрагментация политического пространства в Афганистане. В плоскости текущей практической политики это означает явную и неявную поддержку со стороны США любых центробежных тенденций и практических действий, осуществляемых (или потенциальных) различными политическими силами в Афганистане. В первую очередь, это относится к этнополитическим силам: таджикским и узбекским (с учетом фактора иранского влияния хазарейская община в таком контексте может быть использована в меньшей степени), с учетом определенной неудовлетворенности в этих общинах тенденцией к пуштунскому доминированию в стране. На дестабилизацию направлены и действия по замораживанию афганских зарубежных авуаров. В целом, фактически США готовы поддержать любую военно-политическую силу, которая возобновит гражданскую войну в Афганистане.

Основные интересы Китая в Афганистане и регионе в наиболее широком виде необходимо рассматривать в рамках концепции «Сообщества единой судьбы», в более утилитарном смысле – как часть проекта Китая «Одного пояса – одного пути». В Афганистане китайская сторона заинтересована, в первую очередь, в реализации ряда проектов транспортных коммуникаций, приоритетными из которых являются широтные, по линии «Восток – Запад». Второй по значению интерес направлен на установление контроля над ресурсным потенциалом Афганистана. Китай

максимально заинтересован в установлении в Афганистане стабильной централизованной власти, способной создать необходимые условия для реализации вышеназванных интересов. Соответственно, китайская сторона заинтересована и в максимальной стабилизации ситуации в стране, конкретным инструментом достижения которой обозначено движение талибов.

Для России, помимо вопросов из сферы безопасности, стабильность в Афганистане (и регионе) в условиях происходящего переформатирования внешнеполитической и, что важно, внешнеэкономической конфигурации, и сам Афганистан приобретают новую функциональность как пространство выстраивания новых внешних связей. Дополнительно имеет, конечно, значение и экономическая стабилизация, в рамках которой Афганистан стал бы значимой частью рыночного пространства Среднего Востока и Южной Азии для российского экспорта. В любом случае, стабилизационные процессы в Афганистане являются существенным российским интересом на приобретающем все большее значение для РФ южном направлении.

Комплексный анализ процессов, происходящих в Афганистане, позволяет сформулировать три основных сценария дальнейшего развития событий:

- *Сценарий сохранения долгосрочной неустойчивости и неопределенности* – первый из них, и его основное содержание означает сохранение существующего уровня неуверенной стабильности. Этот сценарий может повлечь определенную стагнацию процессов в социально-экономической сфере, во внутренней и внешней политике правительства движения талибов, невысокую активность внешних партнеров. Маловероятно, что такой сценарий будет слишком долговременным, поскольку такого рода состояние само по себе будет провоцировать его переход в стадию второго из возможных сценариев: эскалации военного конфликта.
- *Эскалация военного конфликта* может произойти, в частности, в случае деструктивного внешнего вмешательства, например, инвестирования в антиталибские силы. В этом случае можно будет говорить о высокой

вероятности быстрой радикализации движения талибов и их кооперации с международными террористическими структурами. Это, в свою очередь, вернет ситуацию в регионе в то состояние, которое было пройдено в 1990-х гг. – возвращение Афганистана в статус постоянного источника угроз безопасности. Естественно, что это не только станет препятствием для развития стран региона, но и потребует значительных ресурсов для нейтрализации возросших угроз.

- Наконец, третий сценарий – *позитивный, исключая негативные внешние влияния и подразумевающий интенсификацию регионального сотрудничества с действующим правительством*. Реализация этого сценария может носить характер только небыстрой эволюции, результатом которой должны стать в том числе определенные внутренние изменения в экономической жизни и в политической системе Афганистана, направленные на дальнейшие стабилизацию в стране и ее развитие.

Поступила: 26.01.23; рецензирована: 09.02.23;
принята: 13.02.23.

Литература

1. Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.) / А.А. Князев. Душанбе: Дониш, 2004.
2. Князев А.А. К истории афганского движения «Талибан» в середине – второй половине 1990-х гг. / А.А. Князев // Вестник ЮУрГУ. 2021. № 4. URL: <https://vestnik.susu.ru/humanities/article/view/11176/8776> (дата обращения: 05.02.2023).
3. Мачитидзе Г.Г. Правление талибов для Афганистана – добро или зло / Г.Г. Мачитидзе // Независимая газета. 2022, 18 октября. URL: https://www.ng.ru/ideas/2022-10-18/7_8568_afghanistan.html (дата обращения: 05.02.2023).
4. Манна А.А. Понятие преступления и классификация уголовно-наказуемых деяний по мусульманскому уголовному праву / А.А. Манна // Вестник Российского университета дружбы народов. 2004. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prestupleniya-i-klassifikatsiya-ugolovno-nakazuemyh-deyaniy-po-musulmanskomu-ugolovnomu-pravu> (дата обращения: 04.02.2023).
5. Талебан ва пайамадхай-е шивай-е хокмрани // Хабрагозарей-е «ХабарОнлайн». Тегран, 14.01. 24 дей. URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1718702/> (дата обращения: 05.02.2023).
6. Мунир М. Лайха для моджахедов: анализ кодекса поведения боевиков «Талибана» в соответствии с правом ислама / М. Мунир // ICRC. 2011. № 881, март. URL: <https://international-review.icrc.org/ru/articles/layha-mujahideen-analysis-code-conduct-taliban-fighters-under-islamic-law> (дата обращения: 03.02.2023).
7. Представитель МИД России Замир Кабулов подробно осветил волнующие вопросы относительно ситуации в Афганистане и политике новых властей страны // Sputnik. 2021, 29 декабря. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211229/bolshoe-intervu-zamir-kabulov-1044512128.html> (дата обращения: 05.02.2023).
8. Terrorist Groups in Afghanistan // In Focus. Congressional Research Service. 2022, April 19. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF10604.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).
9. Twelfth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2557 (2020) concerning the Taliban and other associated individuals and entities constituting a threat to the peace stability and security of Afghanistan. 2021. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/107/61/PDF/N2110761.pdf?OpenElement> (дата обращения: 05.02.2023).
10. Сила талибов – в слабости нынешнего афганского режима // Известия. 2021, 24 мая. URL: <https://iz.ru/1167367/nataliia-portiakova/sila-talibov-v-slabosti-nyneshnego-afganskogorezhima> (дата обращения: 08.02.2023).
11. Эксперт: Самая большая угроза в Узбекистане – рост радикализации молодежи // Eurasia Daily. 2021, 10 июня. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/06/10/ekspert-samaya-bolshaya-ugroza-v-uzbekistane-rost-radikalizacii-molodezhi> (дата обращения: 05.02.2023).
12. Манобеъи Талибан аз зухури гурухе бо номи Чунбиши Талибани Тачекистан дар минтакаи марзии Афганистан ва Тачекистан хабар доданд // Хабрагозарей-е ХабарОнлайн. Тегран, 14.01, 5 мордад. URL: <https://www.khabaronline.ir/amp/1654401/> (дата обращения: 05.02.2023).
13. Князев А.А. Афганские события весны – лета 2021 года и обновленная региональная безопасность / А.А. Князев // Постсоветские исследования. М., 2021. № 4 (6).